

А. А. НАЗАРОВСКИЙ

К изучению «Повести о Горе-Злочастии»

Как всякое истинно художественное произведение, полное глубокого значения, связанное со «злобами дня» своей эпохи и пытающееся не только изобразить, но и осмыслить их, «Повесть о Горе-Злочастии» является памятником идейно насыщенным, многоплановым, сложным. Отсюда неослабевающий интерес к нему на протяжении более ста лет.¹ Отсюда различные, порой противоречивые определения его общей идеи, отдельных сторон, художественных приемов. Среди ряда спорных вопросов, связанных с изучением «Повести о Горе-Злочастии», особенно важен один: что является главной темой повести — борьба «отцов и детей», происходящая в XVII в., или злая доля всего человечества, безотрадная жизнь человека вообще. Давним и последовательным сторонником второго решения вопроса является Д. С. Лихачев, посвятивший рассматриваемой повести ряд ценных статей.² Многое в этих статьях интересно, убедительно и приемлемо. Многое, но не все. И прежде всего не вполне приемлемым представляется основной тезис.

Я более склоняюсь к традиционной точке зрения на «Повесть о Горе-Злочастии» — как на отражение конфликта «отцов и детей». Конечно, не все в повести покрывается такой трактовкой. Переходные (переломные) эпохи — исторический процесс длительный, сложный, многосторонний, связанный с переоценкой ценностей во всех областях жизни, и борьба «отцов и детей» лишь одна из граней этого процесса. Но наличие такой борьбы в переломные эпохи неизбежно, как неизбежно и ее отражение в литературе. Литература переходного XVII в., «нового периода русской истории»,³ знает и другие произведения, откликнувшиеся на отношения двух поколений. Это — «Повесть о Савве Грудцыне», во многом очень близкая к «Повести о Горе», и «Повесть о Фроле Скобееве», резко отличающаяся от первых двух идейной позицией автора и активностью главного героя, типичного «приобретателя» XVII в. Кстати, в этом произведении столкновение двух поколений выходит за узкие рамки семьи, оно соединяется с борьбой рядового дворянства с крупными феодалами за

¹ См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии. (Библиография). — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956.

² Д. С. Лихачев. 1) Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948; 2) Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочастии». — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958; 3) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958 (главы 8 и 10); 4) Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961, стр. 98—103.

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153.

место в жизни, что придает повести более острое социальное звучание. То обстоятельство, что в трех основных повестях XVII в. главными героями являются именно представители молодежи, конечно, не случайно и уже само по себе говорит, что их нельзя отрывать от проблемы взаимоотношения двух поколений. Рассматривая «Повесть о Горе-Злочастии» как отклик на борьбу «отцов и детей», я в то же время считаю, что ее морально-философское введение органически связано со всем последующим текстом и составляет с ним одно идейно-художественное целое. Так, молодец рассказывает на пиру «про свое послушание родительское» почти теми же словами, какими введение говорит о последствиях нарушения прародителями божьей заповеди; в «книжном» введении постоянны дактилические окончания строк, есть свойственные народной речи повторения предлогов. Близость введения с остальным содержанием повести очевидна и без привлечения особой «притчи о бедственной судьбе человека», опубликованной в одной из статей Д. С. Лихачевым.⁴ Я бы сказал даже, что эта притча сама нуждается в дополнительном изучении (содержание ее искусственно, прием «толкований» ведет к средневековым нравоучительным сборникам и т. д.).

По мнению Д. С. Лихачева, вводная часть «Повести о Горе-Злочастии» и является «главной опорой той точки зрения, что в повести основная тема — изображение жизни человека», она «прямо характеризует „племя человеческое“ теми же самыми словами, которыми характеризуется в повести и сам „молодец“». ⁵ Считая слова повести «Тако рождение человеческое от отца и от матери» началом рассказа о молодце, он рассматривает рождение молодца «как обобщенный образ „рождения человеческого“, а всю дальнейшую жизнь молодца определяет «как „жизнь человеческую“ вообще, подобно тому, как та же тема определяется и в основе известной евангельской притчи о блудном сыне».⁶

Мне кажется возможным и иное понимание введения. Автор повести, отстаивая позиции «отцов», исходил из положения, что всякое нарушение заветов старины, всякое непослушание влечет за собой суровую кару. Для него это была аксиома. Естественно было опереться при этом на авторитет Библии, взяв из нее классический пример — нарушение Адамом и Евою заповеди, изгнание из рая и дальнейшую трудную жизнь на земле. От них пошло племя «непокорливо», не слушавшее отца-матери. Потомки Адама «прямое смирение отринули» и вызвали новую кару разгневанного бога: он насылал «напасти великие», нашествия врагов, «злую, немерную наготу и босоту» и т. д., и все это «смиряючи нас» и «приводя нас на спасенный путь». В таком именно направлении, по понятиям автора, и развивалась вся история рода человеческого. И как общий вывод звучат заключительные слова введения: «Тако рождение человеческое от отца и от матери», т. е. так будет всегда — кто бы ни родился у своих родителей, каждого ждет кара за послушание. А за этим суровым предостерегающим прологом, напоминающим об извечном законе возмездия, идет наглядная иллюстрация — история молодца, образ которого, взятый из действительности, обобщен до предела. Это, конечно, не «борец против опеки семьи над личностью»,⁷ он просто ищет другой жизни, вне заветов старины, хочет жить «как ему любо». Его, как «ослушника», преследуют

⁴ Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»... стр. 26.

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 26. Но ведь и притча о блудном сыне — ярчайшая иллюстрация того, кто ждет детей, стремящихся выйти из-под родительской опеки. В этом причина ее исключительной популярности в литературе и искусстве средневековья.

⁷ Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 208.

беды, карает злая судьба, и опыт самостоятельной жизни кончается крахом, отказом от «своей воли», уходом в монастырь. Осуждение молодца, его плачевный удел полностью соответствуют замыслу повести, раскрытому уже во введении.

В книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси»⁸ этот мотив «ослушничества», имеющий первостепенную важность, почти совершенно выпал. Единственный раз, в начале рассказа о молодце, автор книги вскользь замечает: «Он не слушает своих родителей», — и только (стр. 155). Подчеркнув, что в образе молодца повесть должна была показать судьбу всего человечества, Д. С. Лихачев оговаривается, что на деле, объективно она «с необыкновенной силой нарисовала несчастную жизнь обездоленных людей своего времени»,⁹ и для характеристики жизни обездоленных приводит данные не столько из «Повести о Горе-Злочасти», сколько из сатирических произведений XVII в. Новый герой демократических произведений — «просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости» (стр. 152), «сегодня он богат, завтра беден», «он питается подаванием ... погряз в пьянстве, играет в кости» (стр. 154); «при этом новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей» (стр. 153). И хотя молодец нашей повести далек от такого героя, исследователь сближает и уравнивает их. «Особенно поразителен, — говорит он, — образ безвестного молодца в „Повести о Горе-Злочасти“». Здесь сочувствием читателей (откуда это видно? — А. Н.) пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества ... погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с ... костарями» (стр. 154).¹⁰ В конце повести Д. С. Лихачев видит «оправдание человека, который с церковной точки зрения не мог не считаться „грешником“» (стр. 157). В «Истории русской литературы» эта мысль выражена им еще отчетливее: «не осуждение неудачливого молодца ... а теплое сочувствие его судьбе выражается в повести».¹¹ С этим нельзя согласиться, как нельзя согласиться и с позднейшими, еще более решительными высказываниями в этом же смысле в научно-популярном издании «Культура русского народа X—XVII вв.».¹² Мне кажется, что в книге «Человек в литературе древней Руси» с «Повестью о Горе-Злочасти» произошла существенная метаморфоза: она оторвана от проблемы «отцов и детей» и сближена с демократической сатирической литературой, где в основном отражена иная, чисто социальная, антифеодалная позиция авторов, представителей социальных низов. Наш молодец — из другой социальной среды, его несогласие с «отцами» иного порядка. Вообще текст «Повести о Горе-Злочасти» не подтверждает трактовки, данной ей в книге «Человек в литературе древней Руси», и не оправдывает замену конфликта «отцов и детей» конфликтом личности «со средой, с богатыми и знатными» (стр. 152). С другой стороны, мне кажутся убедительными замечания Д. С. Лихачева о широко, обобщающем значении образа молодца, героя повести, хотя и тут мы несколько расходимся в самом применении понятия «обобщение».

Мне кажется, и основную идею «Повести о Горе-Злочасти», и ее художественные особенности можно лучше разглядеть, если сопоставить ее

⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Дальнейшие ссылки на страницы этого издания даются в тексте в скобках.

⁹ Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»... стр. 27.

¹⁰ Хотя один раз молодец «упился», понадеявшись на «брата названного», а потом по наущению Горя «пропил свои животы», я бы не сказал, что он «погряз в пьянстве». Повесть не говорит также, что герой «погряз в азартной игре» и «свел дружбу с кабацкими костарями», — от этого его только предостерегают родители.

¹¹ Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочасти, стр. 216.

¹² Д. С. Лихачев. Культура русского народа X—XVII вв., стр. 102—103.

с другой социально-бытовой повестью на ту же тему — с «Повестью о Савве Грудцыне». В идейном отношении обе повести очень близки: обе отстаивают интересы «отцов», показывают «детям» рискованность их попытки жить без опеки старших, заставляя своих героев, совершавших необдуманные, неосторожные поступки, кончать жизнь в монастыре. Такой приговор выносят авторы своим героям, такой «наглядный урок» они дают молодому поколению. В борьбе «отцов и детей» своего времени они в одном лагере. У них одна и та же нравоучительная цель, но к этой цели они идут разными художественными путями.

«Повесть о Савве» стремится к конкретности во всем, даже в мелочах: указаны эпоха, хронология событий, их участники — исторические лица, даны имена второстепенных персонажей, названы реки, города, даже улицы. Фамилия героя известна из документов. Мне кажется, эта конкретность (отчасти, может быть, мнимая, условная) — результат воздействия исторических повестей начала XVII в., эпохи «смуты», с упоминания о которой автор и начинает свой рассказ, — ведь историко-публицистическая повесть начала XVII в. оказала бесспорное влияние на последующее развитие повествовательной литературы. Перед нами единственный конкретный случай, как бы взятый из действительной жизни.¹³ Автор идет от частного к общему, он пытается решить проблему взаимоотношения «отцов и детей» на частном примере, на одном случае, которым он иллюстрирует свое решение вопроса, прямо здесь не раскрытое.

«Повесть о Горе-Злочастии» этой конкретности, историчности лишена. В ней нет ни одного имени, ни одного названия местности или события, и надо гадать, из какой среды и эпохи взят герой, где и когда развивается действие. Это своего рода алгебраическая формула, где вместо конкретных цифр стоят условные буквенные обозначения. И как в такой формуле вместо букв можно подставить различные цифры, так и в нашей повести на место отсутствующих конкретных данных можно подставить любые имена, названия, даты, так как, по сути, это ничего не меняет: при любых конкретных данных неизменно остается закон возмездия заслушанье. Автор повести идет от общего к частному, он ставит вопрос об отношениях двух поколений не в связи с историей одного какого-нибудь определенного лица, а вообще, «в мировом масштабе», на фоне судьбы всего человечества, основываясь на своем понимании хода всемирной истории. Решение вопроса дано уже в прологе, и автор еще раз подчеркивает его в центральной части повести: «А хто родителей своих на добро учения не слушает, того выучю я, горе злочастное». Этот прием обобщения через обезличение, безыменность, конечно, связан с фольклором; именно в народных лирических песнях и сказках действуют безыменные герои и героини вне определенного времени и пространства, молодцы и девицы вообще.

¹³ П. Н. Сакулин (Русская литература, ч. II, М., 1926) и Н. К. Гудзий считали, что в основе данной повести лежит реальный факт из жизни какого-то Грудцына. Такие же предположения вызывала и «Повесть о Фроле Скобееве». И Е. Забелин прямо говорил: «история эта, без всякого сомнения, истинное происшествие» (Отечественные записки, 1853, май, отд. V). П. К. Гудзий на основании фамилий повести (Нащокин, Ловчиков) тоже допускал «возможность реальной подкладки для ее написания». Совсем недавно обнаружилось, что в XVII в. существовали не только Ловчиковы, но и Скобеевы, мелкопоместные дворяне Бежецкого верха (см.: Ю. К. Бегунов. Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 355—356). И хотя Н. К. Гудзий, начиная с 5-го издания курса лекций (История древней русской литературы Изд. 5—7-е. М., 1953—1966), снял свои предположения о реальной основе обеих повестей, мне она кажется возможной. Думаю, что все-таки есть основания ставить вопрос о реальных прототипах литературных героев с историческими именами, а не видеть в них всегда только литературный прием.

Нельзя не отметить талантливости авторов обеих повестей (особенно «Повести о Горе-Злочастии»). Один на житейно-легендарной основе создал подлинно реалистическое произведение, в котором история героя «сплетается с ходом военных действий (как в «Капитанской дочке» Пушкина)». ¹⁴ Колорит эпохи, местный колорит, бытовой элемент подчиняют себе и затушевывают легендарную основу настолько, что «Повесть о Савве Грудцыне» «входит в ряд ярчайших памятников русского бытового реализма XVII века». ¹⁵ Другой, используя идейно-художественные средства фольклора, создал замечательное произведение огромного обобщающего значения, в котором историю «непокорливого» молодца выводит из истории всего человеческого рода от самого его начала. Это мог сделать только человек глубокого ума и выдающегося поэтического дарования. Свою «Повесть о Горе-Злочастии» он не только щедро насытил богатствами устной поэзии, но и не побоялся внести в нее народно-песенный стих, отойдя от старой книжной традиции. Еще одно крупное художественное преимущество этой повести — логичность и стройность композиции, что было показано уже В. Ф. Ржигой. ¹⁶ Композиция «Повести о Савве Грудцыне» намного сложнее, причем основной сюжет осложняется рядом привходящих сюжетных линий. Так, в повести играет существенную роль любовный эпизод, ¹⁷ нужный для развития сюжета и психологической обрисовки героя, а с ним тесно связан важный мотив продажи души дьяволу. Но вот эпизод посещения Саввой «царства сатаны» совершенно выпадает из общего плана и только замедляет развитие действия. Вообще автор не справился с обилием привлеченного материала, перегрузил им свое произведение, и композиция повести получилась громоздкой и рыхлой.

Конечно, нельзя пройти мимо несомненной связи «Повести о Горе-Злочастии» со сборником стихов «покаянных, слезных и умильных», особенно с группой так называемых «прибыльных» стихов, относящихся к 30-м годам XVII в. Эти стихи открывают перед нами еще один уголок литературной обстановки, которая окружала автора повести и помогала ему в разработке избранной темы. Небольшая статья В. И. Малышева «Стихотворная параллель к Повести о Горе-Злочастии» убедительно показывает, что автору повести были хорошо известны покаянные стихи и именно знакомство с ними и «ввело в стиль автора ... те книжные черты, которые заметно выделяются на общем фоне устно-поэтического стиля». ¹⁸ Опубликованный тут (по рукописи середины XVII в.) покаянный стих о пьянстве напоминает широко известную притчу о блудном сыне, которую не мог не знать и автор повести: образ «отрока библии, безумного расточителя», конечно, не раз вставал в его творческом сознании. Кроме опубликованного

¹⁴ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. II, стр. 35.

¹⁵ Б. Михайловский, Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. Л., 1941, стр. 90.

¹⁶ В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе. «Slavia», гоф. X, seš 1, Praha, 1931.

¹⁷ В «Повести о Горе» любовный элемент совершенно отсутствует, ее герой «споткнулся» о другой «грех»: «вкусал плода виноградного». Слабый намек на возможность любовной интриги, может быть, кроется в совете родителей: «не прельщайся, чадо, на добрых, красных жеп». В зачаточном состоянии любовный эпизод встречается в некоторых народных песнях (см. эпизод с «женщиной кабацкой» в издании: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438, 439, 440); в песне, записанной в 1888 г. в Псковском уезде, молодец ходил к молодой вдове, «сам себя очень выхвалявал» (Труды Псковского археологического общества за 1907—1908 гг., Псков, 1909, стр. 136—138).

¹⁸ ТОДРА, т. V, 1947, стр. 146.

текста, В. И. Малышев использовал в вариантах и назвал еще 10 списков покаянных стихов; были и позднейшие находки.¹⁹ Думаю, что все эти списки заслуживают серьезного внимания.

В заключение укажу еще одно немаловажное обстоятельство, которое надо учитывать при рассмотрении спорного вопроса об основной идее повести. Горе, которое «довело молодца во иноческий чин», не прирожденная «злая доля» героя: оно привязывается к нему как наказание, кара за «похвальбу» и за то, что он «родителей своих ... учения не слушает» (слова Горя).

¹⁹ См., например: В. И. Малышев. 1) Отчет о командировке на Печору в 1956 г. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 405; 2) Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965 (по указателю).